

ПАХОЛОВА Ирина Викторовна / Irina PAKHOLOVA

| Гостеприимство безответного дара как социокультурный опыт «Чужого» |

ПАХОЛОВА Ирина Викторовна / Irina PAKHOLOVA

Россия, Самара.

Самарский государственный университет, кафедра философии гуманитарных факультетов.
Ассистент, кандидат философских наук.

Russia, Samara.

Samara State University, Department of Philosophy, Faculty of Humanities.
Assistant Professor, PhD in Philosophy.vienn@mail.ru

ГОСТЕПРИИМСТВО БЕЗОТВЕТНОГО ДАРА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОПЫТ «ЧУЖОГО»

В статье рассматривается принцип *безответного дара*, его значение для социокультурного опыта «чужого» на примере института гостеприимства. Термин *безответный дар* не распространен в литературе, но концепт *безответного дара* есть у таких авторов как Ж. Батай, Э. Левинас, Ж. Деррида, С. Жижек и др. В отличие от понятия дара, известного еще по работам М. Мосса, *безответный дар* направлен не на установление отношений обмена, а на прекращение обмена. Гостеприимство по принципу *безответного дара* демонстрирует специфические отношения с «чужим», суть которых в том, что с «чужим» не возникает общности, что позволяет «чужому» оставаться «чужим». В социокультурном пространстве действие по принципу *безответного дара* дает возможность удерживать границу с «чужим».

Ключевые слова: дар, гостеприимство, обмен, чужое, феномен, отсрочка, общность, опыт, гость, жест, литургия, любовь, жертвоприношение, иное

Hospitality of Unrequited Gift as a Sociocultural Experience of a "Strange/Alien"

In article the principle of unrequited gift, its value for sociocultural experience of «strange/alien» on an example of institute of hospitality is considered. The term unrequited gift is not common term, but concept unrequited gift is at such authors as G. Bataille, E. Levinas, J. Derrida, S. Zizek, etc. Unlike concept of the gift, known from researches of M. Moss, the unrequited gift is not for establishment of exchange relationships, but for termination of exchange relationships. Hospitality by a principle of unrequited gift shows specific relations with «strange/alien», which essence that there is not formed community with «strange/alien» that allows «strange/alien» to remain «strange/alien». In social-cultural space action by a principle of unrequited gift gives the chance to keep border with «strange/alien».

Key words: gift, hospitality, exchange, strange/alien, phenomenon, delay, community, experience, guest, gesture, liturgy, love, sacrifice, other

Само понятие «гостеприимство» в своей этимологии связано с феноменом «чужое». Бенвенист в своем «Словаре индоевропейских социальных терминов» посвятил гостеприимству целую главу. Он прослеживает эволюцию социальных терминов, относящихся к гостеприимству в архаичных и древних обществах, и приходит к выводу, что можно выделить, по крайней мере, два основных значения для гостеприимства.

Первоначально в родовом обществе, считает Бенвенист, институт гостеприимства существовал в форме договора, основанного на взаимном обмене дарами, между главами родов различных племен и племенных объединений. Такое было возможно в архаическом обществе, поскольку основной социальной единицей в этот период являлся род. Бенвенист приводит известный сюжет из Илиады, который описывает встречу

Главка с Диомедом на поле сражения. Оба героя принадлежат к враждующим лагерям — Главк воюет на стороне троянцев, Диомед — на стороне ахейцев. Но, вместо того, чтобы сойтись в поединке, они обмениваются дарами, потому что их роды еще с давних времен были связаны узами гостеприимства. Как отмечает Бенвенист, в такой ситуации «каждая из договаривающихся сторон приобретает более значительные права, чем общество в целом [...]»¹. В этом отношении гостеприимство в условиях родового общества выполняло функцию своеобразного международного права. Союз гостеприимства, учрежден-

¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / пер. с фр. общ. ред. и вступ. статья Ю. С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. С. 81.

ПАХОЛОВА Ирина Викторовна / Irina PAKHOLOVA

| Гостеприимство безответного дара как социокультурный опыт «Чужого» |

ный и подкрепляемый взаимными дарами, гарантировал неприкосновенность и безопасность на «чужой» территории.

Вместе с тем, Бенвенист обращает внимание на двойное значение древнего латинского термина *hostis*, вошедшее во многие современные европейские языки: 1) гость, 2) враг². Это приращение значения, считает Бенвенист, произошло в античном социуме в результате распада родовых отношений и формирования нации (гражданского общества). Понимание гостя как врага отразило появившееся различие между своим и чужим сообществом, которое представлялось как различие между внутренним и внешним. Здесь аннулируется институт гостеприимства, основанный на взаимном обмене, а появление «чужака» расценивается уже как внешнее вторжение.

Впрочем, сам по себе институт гостеприимства не замкнут на социокультурном опыте архаичных и древних обществ и в том или ином виде существует и по сей день. Стоит отметить, что тема гостеприимства сейчас довольно широко представлена различного рода междисциплинарными и компаративистскими исследованиями. Гостеприимство в какой-то момент стало «модным» в современном социально-гуманитарном познании³. Так, в течение последних лет во Франции в Центре изучения новых и новейших литератур Клермон-Ферранского университета имени Блеза Паскаля действует исследовательская программа, посвященная гостеприимству. Результатом этой работы стало составление «Словаря гостеприимства». Кроме того, в той же Франции и в других странах проводятся специальные конференции по гостеприимству.

Институт гостеприимства, известный еще с давних времен, эволюционирует вместе с обществом. Поэтому принято различать гостеприимство в традиционном и современном обществе. Для этого есть свои причины. Если в традиционном обществе гостеприимство было определено ритуалом, традицией, то в ситуации современного общества гостеприимству еще только предстоит заново определиться в различных частных и коллективных практиках «приема» гостей, туристов, приезжих, иммигрантов. Иначе говоря, гостеприимство в современном обществе — это проблема, которая требует своего решения, причем подчас в каждом конкретном случае. Не удивительно поэтому, что исследовательский интерес к теме гостеприимства сопряжен с практическим интересом — найти основания для гостеприимства в современных условиях, опираясь на изучение опыта традиционных обществ.

Итак, еще Бенвенист указывал на то, что в гостеприимстве можно выделить два основополагающих момента — это, во-первых, обмен дарами, во-вторых, восприятие прихода гостя как вражеского вторжения извне. Получается, что в гостеприимстве как-то уживаются два мотива — мотив договора, учреждаемого и подкрепленного взаимными дарами, и мотив вражды и опасности, которую несет с собой гость. С этим нужно разобраться.

Наиболее древняя форма гостеприимства обусловлена обменом дарами. Впрочем, и современное гостеприимство не исключает этой практики. Как отмечает Паскаль Ларделье, структура ритуала гостеприимства основана на таком понятии дара,

который в свое время исследовал Марсель Мосс⁴. Речь идет о потлаче как *агональной* системе обмена дарами. В потлаче заложен смысл жертвенного состязания — это своеобразная война-соперничество посредством дара. Чтобы добиться признания и утвердить свой престиж, необходимо превзойти другого в даре.

Мирный ритуал гостеприимства скрывает в себе сложный процесс борьбы, где приходится одновременно наступать и обороняться. Ставка в этой борьбе — установление долговременных связей взаимопомощи и добрососедства. Превысить «другого» в даре, значит иметь право ожидать в будущем дар еще больший. Это испытание щедрости и победа в этом испытании не материальная, а символическая. Дар «другому» есть символическое выражение власти — это силовое действие. Дарить, значит показывать свою силу, ставя «другого» в подчиненное и зависимое положение. Здесь, по словам Ларделье, в обращение поступают не вещи, а люди⁵.

Судя по всему, и мы, безусловно, в данном случае не открываем ничего нового, гостеприимство, основанное на обмене дарами, обмене визитами, является одним из тех социальных институтов, которые расширяют и укрепляют общественные связи. Гостеприимство ответных даров и визитов выполняет в обществе ту же функцию, что и брачные отношения. Вспомним Леви-Строса, который в своей работе «Элементарные структуры родства» указал на то, что запрет инцеста — это не столько предотвращение брачных отношений с ближайшими родственниками, как принято считать, сколько обязательство обмена, благодаря которому происходит расширение родственных связей. Подобным же образом и гостеприимство, которое мы будем для удобства называть *гостеприимством ответного дара*, расширяет жизненное пространство общества, поддерживает экономику обмена между различными сообществами.

Между тем, нас интересует возможность такого гостеприимства, которое было бы основано на принципе *безответного дара*. Но прежде необходимо сказать несколько слов о том, что собой представляет этот *безответный дар* и как он себя проявляет в социокультурном пространстве? Одной из первых попыток осмыслить дар как деяние, не требующее ответа, является, на наш взгляд, этическая феноменология Левинаса. Он говорит об особом действии, которое требует этическое отношение, и это действие — литургия, т. е. деяние невыгодной и безответной траты в пользу Другого. У Левинаса литургия предстает как *безответный дар*, сделанный в пользу будущих поколений, в котором себя проявляет «бытие-к-по-ту-сторону-моей-смерти»⁶.

Такое литургическое действие мы встречаем в истории Моисея из ветхозаветной книги «Исход», а также у Энея из поэмы Вергилия «Энеида». Моисей, как известно, по своей воле, сознательно принимает на себя миссию пророка, призванного

⁴ См.: Ларделье П. *Принимать друзей, отдавать визиты...* (Ритуалы гостеприимства в перспективе Мосса) / пер. с фр. Е. Гальцевой // Традиционные и современные модели гостеприимства. Составители: А. Монтадон и С. Н. Зенкин. М.: РГГУ, 2004. С. 64. (Курсив Ларделье — И. П.).

⁵ Там же. С. 64.

⁶ Левинас Э. *Ракурсы. След другого*. Пер. с фр. Н. Б. Маньковской // Левинас Э. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 313.

² Там же. С. 79.

³ См.: Anne Dufourmantelle invite Jacques Derrida á répondre de l'hospitalité. P.: Calmann-Lévy, 1997.

ПАХОЛОВА Ирина Викторовна / Irina PAKHOLOVA

| Гостеприимство безответного дара как социокультурный опыт «Чужого» |

вывести еврейский народ из Египта в Землю Обетованную. При этом он знает, что сам не достигнет цели, не ступит на землю, обещанную его народу, не сможет воспользоваться плодами своего труда, ничего не получит *взамен* своих усилий. Моисей делает жест *безответного дара*, вкладывая всего себя в будущее других людей, но не в свое.

Подобно Моисею Эней у Вергилия также посвящает себя и всю свою жизнь не своему будущему, а будущему других поколений. Эней выводит троянцев, которым грозит пленение и рабство, из гибнущей Трои, чтобы привести их в землю, обещанную богами — будущий Рим. Главный эпитет Энея в поэме — *благочестивый (pius)*. Свое благочестие (*pietas*) Эней проявляет по отношению к своим родным, своему народу и будущим поколениям, и каждый его дар (жертва) больше предыдущего. Однажды взятые на себя обязательства, проявленная забота предполагает еще большую заботу в будущем⁷. Энею также не дано было жить в том будущем Риме, ради которого он отказывается от собственных стремлений и от своей личной судьбы.

Наконец, можно сказать, что чистым жестом *безответного дара* в христианской культуре является жертвоприношение Христа. По мысли Жижека, христианская этика основана на идее прерывания обмена, разрушения логоса справедливости, который за преступление требует наказания, возмещения ущерба («Око за око!»)⁸. Призыв Христа подставить щеку размыкает круговую цепь вины и воздаяния, устраняет из социальных отношений принцип обмена и утверждает принцип *безответного дара*. Далее принцип *безответного дара* был осуществлен и в жертвоприношении Христа. По мнению Жижека, и это вполне соответствует христологии, — «Христос не был принесен в жертву кем-то и за что-то. Он принес в жертву Себя»⁹. Таким образом, жертва Христа — это его дар, который не подлежит обмену, его нельзя превзойти.

В чем же смысл такого дара, если он не предназначен для искупления, если этот дар не выкуп? Жижек высказывает интересную мысль на это счет: жертва Христа — это не акт купли-продажи, выкупа закладной, а бессмысленный с экономической точки зрения жест любви, который не предполагает ответа, не принуждает к благодарности, не навязывает себя¹⁰. Это *безответный дар*, который не требует выплаты по векселям, ни к чему не обязывает тех, на кого он направлен и ради кого сделан. Жертва Христа это, прежде всего, парадигма любви, образ того, как надо любить, и как любовь может преобразить жизнь человека. Ведь в основе любви всегда *безответный дар*, создающий территорию свободы — дающий свободен в своем даре, а принимающий свободен в том, чтобы принять или отвергнуть дар, а также не ответить на дар своим даром. Если любишь — люби, дари себя, не ожидая и, тем более, не требуя ничего *взамен*. По большому счету, действие *безответ-*

ного дара не отменяется даже тогда, когда на дар получен ответ — ведь ответ был необязателен и во многом случаен.

Здесь самый важный момент заключается в том, что *безответный дар* не служит причиной каких-либо обязательств, не порождает новый порядок обмена. Как раз наоборот, *безответный дар* прекращает обмен и тем самым *отрицает социальные отношения*, основанные на обмене. На место социальных отношений обмена приходит свободная игра *безответного дара*, которая может иметь самые непредсказуемые последствия и результаты.

Безответный дар обладает огромным потенциалом возрастания: его трудно исчерпать, поскольку у него нет эквивалента, нет исчисления. Когда-то случившись, он воспроизводит себя из этого случая. Например, в католической литургии *Requiem*, как отмечает Л. Сумм, ожидание милости от Бога обосновывается не заслугами, а прежней милостью Бога: «Припомни, милосердный Иисус (*recordare, Iesu pie*), что я — причина Твоего пути [...] ради меня ты претерпел крест, не погуби же меня в день Суда»¹¹.

На специфическое силовое действие некомпенсированной траты в свое время обратил внимание еще Ж. Батай¹². Трата, направленная на ответную отдачу, приводит к производственному приращению, оборачивается прибылью, приобретением. Вместе с тем, трата ради прибыли основана на *нехватке* и каждый раз воспроизводит *нехватку*. Можно сказать, что подлинным предметом траты ради прибыли является *нехватка*. Некомпенсированная трата (в терминологии Батая — «непроизводительная трата») ведет к невозвратной потере, поэтому это и есть «чистая трата», трата ради самой траты. Несмотря на то, что результатом чистой траты всегда будет убыль, подлинным предметом такой траты ради траты является избыток, излишество, чрезмерность. Сила действия непроизводительной траты — в ее безответности, в отсутствии эквивалента, что делает ее неисчислимой и беспредельной для возрастания, сообщает ей энергию трансгрессии.

Своеобразный проект экономики *безответного дара* предложил Александр Секацкий в своем романе «Дезертиры с Острова Сокровищ», где общество потребления, основанное на эквивалентной циркуляции товаров и капиталов, рушится под воздействием революционной системы свободного анонимного дарения, а ценность каждого конкретного дара определяется индивидуально и по ситуации¹³. Один дар порождает целую цепочку, «сетевой маркетинг» других даров. Вместо того чтобы замкнуться в круговороте обмена, *безответный дар* порождает все новые и новые волны, которые расходятся от него как от камня, брошенного в воду.

К идее *безответного дара* обращается Деррида в своей работе «Дарить смерть» (*Donner la mort*) (или в другом варианте перевода — «Дар смерти»)¹⁴. Деррида не видит смысла в том,

⁷ Сумм Л. Римский стык // Новый мир. 2000. № 11. URL: www.infoart.ru/magazine/novy_mi/n11-20/summ.htm (дата обращения: 10.11.2000).

⁸ Жижек С. Хрупкий Абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие / пер. с англ. В.Мазин. М.: Художественный журнал, 2003. С. 157.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 159.

¹¹ Сумм Л. Римский стык // Новый мир. 2000. № 11.

¹² Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С. Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006.

¹³ Секацкий А. К. Дезертиры с Острова Сокровищ. СПб.: Амфора, 2006.

¹⁴ В литературе можно встретить, по крайней мере, два варианта перевода названия работы Жака Деррида *Donner la mort*: 1) «Дарить смерть» — Витцлер Р. Ответственность Европы. «Деконструктивная этика» на примере Жака Деррида / перевод с нем. С. Б. Веселовой // Герменевтика и деконструкция. СПб., 1999; 2) «Дар смерти» — Гур-

ПАХОЛОВА Ирина Викторовна / Irina PAKHOLOVA

| Гостеприимство безответного дара как социокультурный опыт «Чужого» |

чтобы рассматривать *безответный дар* как тип дара. Он предлагает пересмотреть то понимание дара, которое сложилось в социокультурном знании благодаря исследованиям Марселя Мосса. Дар нужно мыслить в его «чистой» форме: вне экономики, вне обмена, вне ответного дара: «Если другой *отдал* или *задолжал* мне то, что я ему дал/подарил (*gebe*), это значит, что нужно отдавать обратно, что никакого дара нет [...] Это совершенно ясно, если другой, получивший дар, отдает мне *непосредственно* то же самое»¹⁵. Здесь речь идет о даре в его абсолютном значении, в его этическом пределе: если дар возможен, то возможен только как *безответный дар*.

Пока все бегло рассмотренные нами «сюжеты», существующие в культуре и каким-то образом связанные с *безответным даром*, говорят о том, что *безответный дар* — это исключительное деяние, которое под силу совершить только Богу, Пророку, Герою, Революционеру и т. д. Может ли *безответный дар* входить в какой-то повседневный социальный опыт? Да, поскольку принцип *безответного дара* обнаруживает свое действие в гостеприимстве. Наряду с гостеприимством *ответного дара* существует гостеприимство *безответного дара*. Такого рода гостеприимство встречается во всех традиционных обществах.

Обратимся к конкретным результатам исследований традиционных моделей гостеприимства.

Ален Монтандон в статье «Гостеприимство: этнографическая мечта?» рассматривает на примере творчества албанского писателя Измаила Кадаре обычаи гостеприимства, которые, по нашему мнению, основаны на принципе *безответного дара*. Роман Измаила Кадаре «Разрушенный апрель» посвящен «Кануну», представляющему собой древний кодекс жизни албанского народа, неписанный закон обычаев и ритуалов. В «Кануне» предусмотрены и правила гостеприимства, которые вырастают из переживания гостеприимства как опыта трансцендентного. Гость не просто пришелец, странник, а фигура трансцендентного, посланец другого мира. Что же делает гостя таким особенным, почему он приобретает почти божественный статус?

Все дело в том, что гость появляется внезапно, вдруг, совершенно случайно, и это сближает его с божеством. Монтандон цитирует Кадаре: «Гость — это действительно полубог [...] и тот факт, что кто угодно может внезапно стать гостем, не снижает, а наоборот, только усиливает его божественный статус. То, что это божество возникает внезапно как-то вечером, всего лишь постучав в дверь, делает его еще более подлинным. С того момента, как самый скромный путешественник с котомкой за плечами постучит в твою дверь и придет к тебе в качестве гостя, он превращается в существо необычайное — неприкосновенно суверена, законодателя, светоча всего мира. И эта внезапность превращения как раз и является свойством божества. [...] От нескольких ударов в дверь может зависеть жизнь или смерть целых поколений. Вот что такое гость для албанцев-горцев»¹⁶. Незваному гостю, который вдруг случайно

появляется на пороге, должно быть оказано безусловное гостеприимство. Его нужно принять так, как можно принять только божество, т. е. отдав все почести и дары. Гость возникает также внезапно, как внезапно может человека настигнуть его судьба, поэтому так важно его правильно встретить, эта встреча — судьбоносная.

Здесь необходимо отметить амбивалентный характер такого безусловного гостеприимства. С одной стороны, речь идет о незваном госте, которого все-таки ждут: пусть он приходит неожиданно, но все же ожидаемо. С другой стороны, этот ожидаемый незванный гость не желателен, поскольку своим появлением он может изменить существующий порядок вещей, внести смуту. Своей принадлежностью миру трансцендентного гость оказывает ужасающее, пугающее воздействие и представляет вполне реальную угрозу.

Можно вспомнить фильм Пазолини «Теорема», где гость и вправду проявляет себя как существо иного мира (так до конца и не понятно — ангел это или демон), действующее по принципу *безответного дара* и его дары буквально *разрывают все социальные связи*, которыми были объединены персонажи фильма до этого судьбоносного вторжения. Приход гостя в данном случае имеет примерно такое же значение, как и приход мессии — это такое явление, которое не может пройти бесследно, не может не иметь последствий. В Новом Завете не случайно Христос говорит о том, что те, кто за ним последуют, должны отказаться от уз кровного родства и от многих других обязательств перед обществом.

Стоит отметить, что тема уклонения от встречи трансцендентного имеет в культуре давнюю традицию. Трансцендентное одновременно притягивает и отталкивает. Например, в христианстве ожидание «второго пришествия» сопряжено с опасением, что это действительно когда-то может произойти. С этой точки зрения представляет интерес темпоральность, в которой существует христианство, а также другие авраамические религии — иудаизм и ислам. Это особая растяжка, разметка времени, а именно — *отсрочка*. Согласно догматической традиции авраамических религий, все, что существует, существует до срока, до того момента, когда не настанут «последние времена». И непременно в этот религиозный апокалипсис входит Страшный суд как кульминация долгой истории человечества. Такой «конец света» в равной степени желаем и нежелателен, его хочется приблизить и как можно более отдалить. Здесь человек постоянно находится в *подвешенном* состоянии, пребывает во *временном подвесе*, когда всегда нужно быть готовым к «пришествию», к тому, что в любой момент все может закончиться, завершиться неожиданно, несмотря на долгое ожидание.

В современной культуре мотив *отсрочки* встречи трансцендентного можно обнаружить в психоанализе, а также в различных произведениях искусства. К примеру, механизм вытеснения травматического переживания из сознания в сферу бессознательного действует как *отсрочка*, отодвигая столкновение с тем, что ужасает и пугает. При этом *отсрочка* образует временной *подвес*, в котором заключено длительное ощущение боли, захваченность когда-то нанесенной раной.

Темпоральность *отсрочки* является сюжетобразующей и в пьесе Беккета «В ожидании Годо». Персонажи пьесы находят-

ко Е. Деконструкция: тексты и интерпретация. Минск: Экономпресс, 2001.

¹⁵ Цит. по: Витцлер Р. Ответственность Европы. «Деконструктивная этика» на примере Жака Деррида / перевод с нем. С. Б. Веселовой // Герменевтика и деконструкция. СПб., 1999. С. 137.

¹⁶ Цит. по: Монтандон А. Гостеприимство: этнографическая мечта? / пер. с фр. Е. Гальцевой // Традиционные и современные модели гостеприимства. М.: РГГУ, 2004. С. 21.

ся в *подвешенном* состоянии ожидания «пришествия», но, как выясняется, смысл этого ожидания в том, чтобы никого не дожидаться. Страшно не от того, что кто-то не придет, когда его все ждут. Ужас в том, что тот, кого ждут, может вдруг прийти и такое «пришествие» не обойдется без последствий.

В фильме Андрея Тарковского «Сталкер» герои пробираются в Зону с сознательным желанием изменить свою жизнь с помощью странной силы инопланетного происхождения. На пути к своей цели герои фильма проходят через серию испытаний. Первое испытание — это разочарование в себе, в собственных силах, что и побуждает их обратиться к «чудесному» вмешательству. Второе — это проход по территории Зоны, который осложняется сетью «ловушек», к месту, где исполняются «заветные желания». Наконец, третье испытание, оказавшееся самым трудным и непреодолимым, — это реальная возможность осуществления «заветного желания». Когда был преодолен весь путь, когда уже можно было протянуть руку и получить даром самое желанное, самое нужное, Писатель и Профессор отказываются сделать этот последний шаг. Они уклоняются от встречи с тем, к чему так долго стремились, поскольку страшно столкнуться с неизвестной силой вовне, а еще страшнее, может быть, увидеть «темную» сторону в себе. Если бы герои фильма пошли до конца, то им предстояло бы пройти проверку *безответным даром*, который, как мы выяснили, может обладать разрушительным действием.

Что же делать, чтобы отвлечь опасность, исходящую от незваного гостя, как избежать непредсказуемых последствий столкновения с трансцендентным? Для этого нужно *скопировать жест*, который свойственен скорее Богу или Герою, т. е. принять незваного гостя по принципу *безответного дара*. Если гость — фигура божественного, фигура трансцендентного, значит с ним нужно поступить соответственно. Это, конечно, будет не *безответный дар* в его чистом виде, но деяние по образцу, копия *безответного дара*. Подобно тому, как божественный жест *безответного дара* может изменить существующий порядок вещей, разрушить прежние социальные связи, также и копирование *безответного дара* способно воспрепятствовать образованию новых отношений, новой общности. В то время как действие *ответного дара* осуществляет отношения обмена, тем самым укрепляя и расширяя общественные связи, действие *безответного дара*, напротив, отрицает саму возможность возникновения каких-либо социальных обязательств.

Безответный дар открывает свободу вне социальных отношений, отношений без условий, отношений рискованных и непредсказуемых, выходящих за рамки уже существующего социального порядка. Вот предназначение *безответного дара* — обеспечить невозможность установления отношений обмена, зарождения новых социальных связей. Действие по образцу *безответного дара* можно считать успешным тогда, когда в результате остается неизменным прежний порядок социальных отношений, т. е. вторжение внешней силы, силы трансцендентного было погашено и нейтрализовано.

Между тем, следует понимать, что действие по образцу *ответного дара* не имеет силы закона: нет никаких гарантий того, что когда-нибудь не произойдет осечки, вдруг все не сорвется и не провалится в тартарары. Скопировать жест *безот-*

ветного дара — еще не значит навсегда обезопасить свой дом, оставить в неприкосновенности свои стены. В любой момент все может пойти не так, как было задумано. Сущностной особенностью действия по образцу *безответного дара* является его рискованность, непредсказуемость результата, поскольку здесь мы имеем дело с отношениями без обязательств и договоренностей. Никто никому ничем не обязан, не должен вести себя по правилам и соблюдать установленные границы. Жест *безответного дара* может обернуться неудачей и даже катастрофой.

Где можно увидеть действие гостеприимства по образцу *безответного дара*? Лучше всего такой тип гостеприимства иллюстрирует Евгений Ярославский в своем исследовании традиций приема нищих, существовавших в Бретани (регион современной Франции) и в России еще в XIX веке¹⁷. Обращение к данному материалу интересно по той причине, что здесь гостеприимство по принципу *безответного дара* раскрывается именно как повседневный, а не исключительный социокультурный опыт.

В крестьянской среде Бретани и России отношение к нищим определялось древним поверьем, существовавшим в устной традиции, которое сводилось к следующему: «Нищие есть гости Бога. Никогда не услышат они грубое слово на пороге крестьянского дома, поэтому и не останавливаются в нерешительности около двери, а смело заходят, бросая следующие слова: «Пусть Бог осытит всех, кто здесь есть!» — «И вам того же!» — отвечает хозяин дома, указывая на место у очага»¹⁸. Проявление гостеприимства к нищим воспринималось в перспективе отношений с Богом. В нищем видели либо самого Бога, либо его посланника. С нищим, также как и с Богом, были не мыслимы равные взаимоотношения. Нищие входили в ту категорию людей, с которыми невозможно было установить отношения обмена, ведь нищий — это не тот, кто дает, а тот, кому дают, на кого распространяется действие *безответного дара*. Исключительное положение нищих в обществе выразилось в том, что встречи с ними были нерегулярны и носили случайный характер. Нищие вели в основном страннический образ жизни и, как правило, не являлись частью того сообщества, с которым взаимодействовали. Нищий мог появиться на пороге дома в любой момент и рассчитывать на особое отношение к себе.

На нищих были направлены различные благодеяния: их одаривали милостыней, устраивали на ночлег в доме, они были незваными, но желанными гостями на семейных праздниках. Вместе с тем, дары, которые получали нищие, предназначались не им, а расценивались, прежде всего, как жертва Богу. Ярославский в связи с этим отмечает, что «гостеприимство, оказанное нищим, может рассматриваться как жертвоприношение потусторонним силам, а, следовательно, такой прием уже носит ритуальный характер. Таким образом, мотивация последствий хорошего и плохого приема нищих заставляла крестьян выбирать первый»¹⁹. В данном случае мы имеем дело с гостепри-

¹⁷ Ярославский Е. Нищие всегда ожидаемы в доме крестьянина (Традиции гостеприимства в Бретани и в России в XIX в.) // Традиционные и современные модели гостеприимства. М.: РГГУ, 2004. С. 27–54.

¹⁸ Там же. С. 28.

¹⁹ Ярославский Е. Нищие всегда ожидаемы в доме крестьянина (Традиции гостеприимства в Бретани и в России в XIX в.). С. 41.

ПАХОЛОВА Ирина Викторовна / Irina PAKHOLOVA

| Гостеприимство безответного дара как социокультурный опыт «Чужого» |

имством по образцу *безответного дара*. Дары нужны для того, чтобы уклониться от неблагоприятных последствий встречи с нищим как фигурой трансцендентного, а также подчеркнуть и утвердить невозможность равноправной связи или какой-либо общности с социальными маргиналами. Как отмечает Ярославский, в народных легендах о чудесах, совершаемых святыми в награду за бескорыстные добросердечные поступки, поощрялось гостеприимство по отношению к нищим: за проявленное милосердие можно было получить воздаяние свыше²⁰.

Тем не менее, как уже было сказано выше, гостеприимство по образцу *безответного дара* не всегда может быть удачным. Один из самых известных в истории случаев гостеприимства закончился катастрофой. Речь идет о приеме, который был оказан последним императором ацтеков Мотекусомой II Младшим (правил с 1502 по 1520 гг.) (в литературе более распространен европейский вариант его тронного имени — Монтесума II) конкистадору Эрнану Кортесу²¹. Современная отечественная исследовательница В. Е. Баглай характеризует Мотекусому II как политического лидера, который с особым вниманием относился к религиозным вопросам. В отличие от своих предшественников он не был воином. До того как стать правителем Мотекусомой II был верховным жрецом одного из племенных богов ацтеков, поэтому не удивительно, что он разбирался в мифологии, знал астрологию²². Возможно именно религиозное образование, которое получил Мотекусомой II, сыграло решающую роль в его истории с Кортесом.

Появление испанцев во главе с Кортесом в 1519 году императором ацтеков было расценено как исполнение древнего пророчества о возвращении бога Кетцалькоатля (бога познания и ветра). Как знаток мифологии Мотекусомой II понимал, что если Кортес действительно Кетцалькоатль (а такое он вполне допускал), то ему придется подчиниться, или даже уступить этому воскресшему богу свою власть. В любом случае можно было предположить, что внезапное, хотя и ожидаемое вторжение пришельцев с востока, из-за океана, скорее всего, не пройдет бесследно.

Тогда Мотекусомой II начинает борьбу именно теми средствами, которые ему кажутся наиболее верными и эффективными для данного случая — он действует по образцу *безответного дара*. Кортесу и его спутникам император ацтеков посылает целую серию бесконечно щедрых даров: золото, серебро, чальчиуите (жадеитовые пластинки, которые ацтеки ценили за их цвет и редкость)²³. Примечательно, что отправляя драгоценные дары Кортесу, Мотекусомой II всеми способами уклонялся от личной встречи с испанским конкистадором. Судя по всему, он совершенно сознательно рассчитывал на силу *безответного*

дара, на то, что испанцы (которых ацтеки к тому времени официально именовали «теуле», т. е. «боги»), получив подношения, достойные «богов», навсегда удалятся в те земли, откуда пришли. Мотекусомой II хотел дать понять «теуле», что он не намерен с ними иметь *что-нибудь общее*. Для этого он с каждым разом посылал все большее количество даров, и ценность их только возрастала. Между тем, для самого Кортеса этот императорский жест *безответного дара* стал весомой причиной для того, чтобы остаться, а не уйти.

Таким образом Мотекусомой II не достиг своей цели: произошло как раз то, чего он больше всего опасался и от чего пытался всеми силами уклониться. На этом примере можно увидеть, что значит неудачное применение *безответного дара*. В данном случае вместо прежней автохтонной общности индейцев (которую тоже нельзя назвать идиллической) насильственно возникла новая общность индейцев и завоевателей. Гостеприимство *безответного дара* потерпело поражение, и индейцы оказались в такой ситуации, когда им пришлось столкнуться уже не с чем-то «чужим», что не имеет к ним никакого отношения, а с чем-то «иным». Другими словами, им пришлось считаться с «иным» присутствием рядом с собой. Иметь рядом с собой не «чужого», а «иног» означает *возможность отношений*, ведь даже война — это тоже своеобразный тип социальных отношений, социального обмена.

Есть ли в современной культуре место для гостеприимства *безответного дара*? Наибольший интерес с этой точки зрения представляют семинары по проблемам гостеприимства Жака Деррида, которые проходили в 1990-е годы в парижской Высшей школе общественных наук. По замечанию Зенкина, Деррида в свое время предлагал рассматривать гостеприимство как всеобщий безусловный закон или кантовский категорический императив²⁴. Французский философ ставит знак равенства между гостеприимством и этикой — этическое отношение и есть гостеприимство²⁵.

Деррида инициировал философские дискуссии о гостеприимстве в связи с проблемой иммиграции. На что может рассчитывать человек в другой стране? Возможен ли глобальный мир без нового понимания гостеприимства? Эти вопросы касаются решения конкретных практических задач, стоящих перед правительствами разных стран. Речь, как правило, идет чаще всего о том, кого пускать в страну, с какой целью, какому количеству приезжих предоставить вид на жительство и т. д. Можно сказать, что не без помощи философии и различного рода социально-гуманитарных исследований гостеприимство в современной культуре имеет все шансы обрести статус категорического императива. Гостеприимство станет должным вне зависимости от условий и условностей. Действие гостеприимства следует распространять на всех и всегда без определения границ, поскольку, согласно словам Учителя из притчи в работе Эдмонда Жабеса «Книга гостеприимства», — «Определение

²⁰ Там же. С. 30–31.

²¹ См.: Баглай В. Е. Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй (Доколониальный период). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998, а также URL: <http://mesoamerica.narod.ru/aztecchap.html> (дата обращения: 14.09.2006); Хэммонд И. Конкистадоры: История испанских завоеваний XV–XVI веков / пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2002.

²² Баглай В. Е. Ацтеки: история, экономика, социально-политический строй (Доколониальный период). М., 1998. URL: <http://mesoamerica.narod.ru/aztecchap.html> (дата обращения: 14.09.2006).

²³ Хэммонд И. Конкистадоры: История испанских завоеваний XV–XVI веков / пер. с англ. М., 2002.

²⁴ Зенкин С. Гостеприимство: к антропологическому и литературному определению // Традиционные и современные модели гостеприимства. М.: РГГУ, 2004. С. 166.

²⁵ Гай-Никодимов М. Возможна ли гуманистическая философия гостеприимства? // Традиционные и современные модели гостеприимства. М.: РГГУ, 2004. С. 97.

ПАХОЛОВА Ирина Викторовна / Irina PAKHOLOVA

| Гостеприимство безответного дара как социокультурный опыт «Чужого» |

само по себе есть сужение, гостеприимство же не терпит никаких ограничений»²⁶.

Предложенная Деррида модель безусловного гостеприимства, на наш взгляд, во многом соотносится с гостеприимством *безответного дара*. Гостеприимство *безответного дара* можно определить как безусловное гостеприимство, содержащее в себе требование оказать прием каждому, кто постучится в дверь. Таким образом, гостеприимство *безответного дара* не ограничивается социокультурным опытом традиционных обществ, а является вполне актуальной моделью и для современной культуры.

В заключение еще раз отметим, что основная функция гостеприимства *безответного дара* состоит в том, чтобы сохранить существующий социальный порядок (порядок отношений, порядок образования смыслов, свойственный для того или иного сообщества) и не допустить образования новой общности, установления отношений обмена. При этом стоит отметить, что в гостеприимстве *безответного дара* все же есть прагматика символического обмена, ведь дар всегда, так

²⁶ Цит. по.: Зенкин С. Гостеприимство: к антропологическому и литературному определению. С. 165.

или иначе, дается взамен на что-либо, даже если это *безответный дар*. Незванный гость одаривается для того, чтобы ушел. Но здесь мы имеем дело с особым символическим обменом, который направлен на *предотвращение* и *разрушение* символического обмена. Точнее сказать, *подлинным предметом обмена* в гостеприимстве *безответного дара* является недопущение самой возможности какого-либо символического обмена между сторонами.

Вместе с тем, сущностной особенностью гостеприимства *безответного дара* является то, что это сфера свободных, рискованных, непредсказуемых и случайных отношений. Поэтому само по себе гостеприимство *безответного дара* не боится от неудач и социокультурных катастроф.

Безусловное значение гостеприимства *безответного дара* заключается в том, что это конкретная возможность «чужого» заявить о себе как о «чужом» — здесь мы имеем дело с готовым «местом» для «чужого» в социокультурном пространстве. В гостеприимстве *безответного дара* «чужое» ожидается в подвесе неожиданной встречи, которая обеспечена уже привычным порядком действия по отношению к «чужому».

